

St John's Church News No 46: April 2013

**ЦЕРКОВЬ СВТ. ИОАННА ШАНХАЙСКОГО
ST JOHN'S RUSSIAN ORTHODOX CHURCH
Military Road, Colchester, Essex CO1 2AN**

His Holiness Kyrill, Patriarch of Moscow and All the Russias
Most Rev. Metropolitan Hilarion, First Hierarch of ROCOR
Very Rev. Mark, Archbp of Berlin, Germany and Great Britain

For this newsletter in electronic form: www.orthodoxengland.org.uk/zchurchnews.htm

Исповедь / Confession and Contact: о. Андрей / Fr Andrew: T: 01394 273820 /
E: frandrew_anglorus@yahoo.co.uk / W: www.orthodoxengland.org.uk
Русская Школа / Russian School: Lyudmila Pavlova
Воскресная Школа / Sunday School: Mary Kisliakova: mary0170@yahoo.com
Сторож / Caretaker: Paul Hopkins, 69, Military Road
Youtube: <http://www.youtube.com/watch?v=rE2T2sYTy8s>

Расписание богослужений / Services in April

Saturday 6 April

5.30: Vigil of the Annunciation / Всенощное бдение праздника Благовещения Пресвятой Богородицы

Sunday 7 April: The Annunciation / Благовещение Пресвятой Богородицы

10.00: Vespers and Liturgy / Вечерня и Божественная литургия

Saturday 13 April

No Vigil – Service of Unction at 2.00 pm with Archbishop Mark at the London Church, 57 Harvard Road, London W4 4ED. All are invited. / Всенощной не будет – все приглашаются на соборование в 2.00 в Лондонский собор, где будет служить архиепископ Марк.

Sunday 14 April: Память преп. Иоанна Лествичника / Sunday of St John of the Ladder:

10.00 am: Hours and Divine Liturgy Часы и Божественная литургия

Saturday 20 April

5.30 pm: Vigil / Всенощное бдение

Sunday 21 April: Sunday of St Mary of Egypt / Память преп. Марии Египетской

10.00 Hours and Liturgy / Часы и Божественная литургия

Wednesday 24 April

6.00 Holy Unction / Елеосвящение (Соборование)

Saturday 27 April

5.30 pm: Vigil for Palm Sunday, the Entry into Jerusalem / Всенощное бдение праздника Входа Господня в Иерусалим

Sunday 28 April: Palm Sunday / Вход Господень в Иерусалим, Вербное Воскресенье

10.00 am: Hours and Divine Liturgy / Часы и Божественная литургия

Dates for Your Diary / Важные Даты

Easter: Sunday 5 May / Пасха: Воскресенье

5 мая

Patronal Feast: Saturday 29 June

Престольный праздник: Суббота 29 июня

Church News

Baptisms in March

3 March: Nicholas Bohoutsky

25 March: Alexandra Kent

Vera Kurganskaya

Please pray for Vera. Her treatment is taking place at St Bartholomew's Hospital ('Bart's') in London. Her e-mail is: verasaimon@mail.ru / 07508 301952

Традиционалисты, модернисты, и Предание неразделенной Церкви

[Сергей Белозерский](#), 22.02.13

<http://www.radonezh.ru/analytic/17730.html>

Уход Папы Бенедикта XVI вызвал новую волну гаданий о том, каким путем пойдет Католическая Церковь, как и новую волну споров между традиционалистами и модернистами среди самих католиков. Парадокс этих споров в том, что обе стороны смешивают фундаментальные элементы христианского вероучения с элементами, являющимися довольно поздними особенностями именно католической традиции.

Модернисты требуют а) отмены обязательного для священников латинского обряда безбрачия б) отказа от абсолютного запрета на использование любых контрацептивов в) рукоположения женщин во священник б) изменения позиции Церкви в отношении гомосексуализма г) смягчения отношения к абортам, или, по крайней мере, задвигания антиабортной риторики в тень. Традиционалисты по всем этим вопросам держатся уже сложившегося учения своей Церкви — нет, нет, и еще раз нет каким бы то ни было переменам.

Позиция и тех и других идет пакетом — так, что человек должен занять ту или другую сторону, приняв полностью ту или иную программу. Глядя со стороны, нельзя не отметить, что эти пакеты содержат очень разные элементы, которые требуют различной оценки с точки зрения и Священного Писания и Предания неразделенной Церкви.

Можно ли рукополагать во священники женатых мужчин? Разумеется, большинство священников Православной Церкви женаты. Это — никоим образом не нововведение, не прогиб под изменчивый мир, это так было самого начала, так что и Святой Апостол Петр, как свидетельствует Евангелие, был семейным человеком. Безбрачие священников окончательно утверждается в Западной Церкви только в XI веке, в правление Папы Григория Великого. Более того, в Католической Церкви есть женатое духовенство — восточного, и, с недавних пор, англиканского обряда. Когда англиканские священники, удрученные либеральными реформами в их общине, стали массово переходить в Католичество, их стали принимать на священническое служение — никоим образом не требуя от них разводиться с их женами. Требование обязательного безбрачия сокращает число священнических призваний, и создает затруднения, которых можно было бы избежать.

Следует ли настаивать на однозначном запрете барьерных (то есть, отметим, неабортивных) контрацептивов? Решительное неприятие Ватиканом использования презервативов вызывает яростную критику. Почти что догматом веры либеральной прессы является утверждение о том, что «миллионы африканцев умерли от СПИДа» из-за того, что злобный Римский Папа запретил им пользоваться презервативами. Это

обвинение не имеет под собой никаких оснований — нет никакой статистики, которая бы показывала, что ревностные прихожане Католической Церкви, т. е. люди, склонные прислушиваться к ее запретам, более склонны заражаться СПИДом, чем все остальные. Группы риска, в которых уровень заражаемости в десятки раз выше, существуют — но это как раз люди, решительно чуждые Ватикану, и не обращающие никакого внимания на его запреты, например, гомосексуалисты. Когда про-гейская пресса обвиняет Ватикан в распространении СПИДа — это классический пример валения с больной головы на здоровую. Но значит ли это, что такой категорический запрет оправдан?

Логика католического священноначалия понятна — супружеская близость, по замыслу ее Создателя, связана с передачей жизни, с приведением в мир новых людей, наделенных бессмертной душой и призванных к вечному спасению, и искусственно отделять близость от этого ее предназначения — значит противиться замыслу Бога.

В непадшем мире на это было бы нечего возразить — но мы живем в мире, который глубоко поврежден грехопадением, в мире, где близость может передавать и смерть. Женщины умирают при родах, в некоторых случаях беременность способна убить женщину, так и не дав жизни ребенку, нередко заставляя женщину рожать столько, сколько это физиологически возможно — значит привести ее к преждевременной смерти.

Бывают ситуации, когда, например, один из супругов инфицирован СПИДом, и отказываться от использования презервативов — значит подвергать жизнь второго ненужной опасности. Обращаясь к Писанию, мы находим, с одной стороны, заповедь «не убий», которая предписывает заботиться о жизни и здоровье людей, с другой — обращенную к супругам заповедь Апостола «не уклоняться друг от друга».

Подвергать жизнь человека ненужной опасности — значит нарушать заповедь, и если этой опасности можно избежать, используя презервативы, то их использование, хотя и не соответствует идеалу, может быть допущено. Как сказано в Основах Социальной Концепции Русской Православной Церкви,

«XII.3. Религиозно-нравственной оценки требует также проблема контрацепции. Некоторые из противозачаточных средств фактически обладают abortивным действием, искусственно прерывая на самых ранних стадиях жизнь эмбриона, а посему к их употреблению применимы суждения, относящиеся к аборту. Другие же средства, которые не связаны с пресечением уже зачатой жизни, к аборту ни в какой степени приравнять нельзя. Определяя отношение к неabortивным средствам контрацепции, христианским супругам следует помнить, что продолжение человеческого рода является одной из основных целей богоустановленного брачного союза (см. X.4). Намеренный отказ от рождения детей из эгоистических побуждений обесценивает брак и является несомненным грехом.

Вместе с тем супруги несут ответственность перед Богом за полноценное воспитание детей. Одним из путей реализации ответственного отношения к их рождению является воздержание от половых отношений на определенное время. Впрочем, необходимо помнить слова апостола Павла, обращенные к христианским супругам: «Не

уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию, на время, для упражнения в посте и молитве, а потом опять будьте вместе, чтобы не искушал вас сатана невоздержанием вашим» (1 Кор. 7. 5). Очевидно, что решения в этой области супруги должны принимать по обоюдному согласию, прибегая к совету духовника. Последнему же надлежит с пастырской осмотрительностью принимать во внимание конкретные условия жизни супружеской пары, их возраст, здоровье, степень духовной зрелости и многие другие обстоятельства, различая тех, кто может «вместить» высокие требования воздержания, от тех, кому это не «дано» (Мф. 19. 11), и заботясь прежде всего о сохранении и укреплении семьи»

В этом отношении позиция Русской Православной Церкви представляется более взвешенной, более библейской и никоим образом не предполагающей прогиба под мир — и если бы католики с ней согласились, их было бы не в чем упрекнуть.

Другие требования модернистов, однако, являются именно требованиями отойти от веры, однажды преданной святым. Они предполагают уход от Предания неразделенной Церкви, от того, во что всегда и повсюду верили все христиане.

Исходя из того факта, что Христос воплотился как мужчина, и избрал двенадцать Апостолов-мужчин, Церковь всегда поставляла и ставляет на священническое служение именно мужчин. Это не предполагает уничтожения женщины, а просто отражает тот факт, что каждый играет свою роль в замысле Создателя, и, подобно тому, как мужчина не может быть матерью, женщина не может быть отцом. Не углубляясь здесь в полемику по этому поводу, отметим, что здесь наши симпатии безусловно на стороне традиционалистов. Как и в других вопросах, которые мы рассмотрим.

С самого начала Апостольской проповеди Церковь рассматривала аборт как тяжкий грех. Ребенок в утробе матери является человеческим существом, на которое безусловно распространяется заповедь «не убий». «Не умерщвляй дитяти в зародыше и рожденного не убивай» - говорится в одном из самых ранних памятников христианской письменности, «Дидахе», относящемся к концу I го века. Грех может быть прощен, но ни в коем случае не разрешен — и отказ от обличения этого ужасного зла был бы отказом от своей христианской ответственности.

Все христиане всегда рассматривали брак как богоустановленный союз между мужчиной и женщиной, следуя в этом отношении словам Господа Иисуса: «Он сказал им в ответ: не читали ли вы, что Сотворивший вначале мужчину и женщину сотворил их? И сказал: посему оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей, и будут два одною плотью, так что они уже не двое, но одна плоть. Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает. (Матф.19:4-6)»

Все христиане всегда рассматривали сексуальную активность вне брака — направлена ли она на лиц чужого, или, тем более, своего пола, как грех, нераскаянное пребывание в котором лишает человека Царства Божия (1 Кор.6:9). В наши дни верующие люди на Западе подвергаются огромному давлению с тем, чтобы заставить их отказаться от этого

библейского учения, и некоторые протестанские общины уже этому давлению уже поддались.

Есть, однако, основания надеяться, что Католическая Церковь и, тем более, Православная, ему не поддастся. Церковь — очень старый институт; это старейшая организация Европы. Она видела расцвет и падение могучих империй, считавших себя «вечными»; видела приход идеологий, которые объявляли себя путем ко всеобщему счастью — и приносили ужасные несчастья. Под ее стены приходили множество различных неприятелей — от язычников до коммунистов, которые объявляли Церкви о том, что у нее нет будущего и она вот-вот исчезнет с мировой арены. Люди, увлекшиеся теми или иными модными идеями — национализмом, социализмом, фрейдомарксизмом, евгеникой, много чем еще — горько упрекали Церковь в том, что она не хочет принять их путь в светлое будущее и вообще тормозит прогресс.

В нынешних нападках на Церковь нет ничего нового — и Церковь отлично знает, что каждая следующая идеологическая мода выдает себя за окончательную истину, историческая победа которой, разумеется, «неизбежна». «Победа коммунизма неизбежна» - помните?

Как некто уже заметил, «Церковь, выходящая замуж за культуру, скоро останется вдовой».

Есть примеры христианских общин, которые пошли навстречу прогрессивной общественности — например, Епископальная Церковь США, которую уж никак нельзя обвинить в «отсталости», прогнулась практически под все требования мира. С каким результатом? Она стремительно теряет прихожан, люди покидают ее целыми диоцезами (епископскими округами), она не знает, куда девать свои пустые здания. Это так со всеми либеральными общинами, которые отходят от традиционного христианства в угоду миру — их статистика однозначна, они быстро умирают.

Это так по нескольким причинам, и, в частности, потому, что легитимность церковной общины держится на ее преданности «вере, однажды преданной святым. (Иуд.1:3)». Если та или иная община говорит что, например, «христиане все эти две тысячи лет считали аборт тяжким грехом, но теперь мы решили передумать» или «две тысячи лет Церковь учила, что брак — это союз между мужчиной и женщиной, но теперь мы решили учить иному», это немедленно вызывает вопрос - «что же, все эти долгие века Церковь нас обманывала относительно того, что есть грех, а что нет? Как же ей можно верить после этого?» В самом деле, пересмотр таких принципиальных моментов церковного учения, как взгляды на брак или на святость человеческой жизни, означал бы, что, либо Церковь лгала все время до этого, либо она лжет сейчас. И то и другое полностью уничтожает ее легитимность и делает ее притязания на учительство смехотворными. Прогнуться под мир — значит самоликвидироваться. Католическая иерархия это понимает. Поэтому новый Папа вряд ли будет большим любимцем прогрессивной общественности.

Перемены, которые могли бы быть уместны, должны обращаться, разумеется, не к прогрессивной общественности, а к Преданию неразделенной Церкви.

Archimandrite Tikhon (Agrikov): A Sermon on a Church Candle

In the Name of the Father and of the Son and of the Holy Spirit.

Dear brothers and sisters! Has the following ever happened to you? You are standing in church at a quiet evening service, when suddenly you feel from the bottom of your heart how dear this House of God is to you, how beautiful, noble, holy, mysterious and edifying everything in it is. Have you ever really felt the profound meaning and purpose of everything that happens at church services? Alas!, my dear friends, we often come to church, stand without any awareness of anything, without trying to enter into the meaning of the service, not even listening attentively to the reading and the singing. And all the time even the slightest detail can be very edifying.

Here is a small church candle. People come, take one and light it in front of an icon and it burns. People have made a little gift to strengthen their faith. What does it mean, this small, quiet candle flame which rises up to heaven?

First of all, a candle testifies to our love of God. People come to church and bring the present of their love. But does our soul burn like the fine flame of this little candle? Does the flame of our prayer rise up to heaven? Do we strive upwards with all our being, to the heavens, to holiness, to the beauty of a higher life which is dedicated to God?...But a candle does not only burn and shine, it also warms, giving off just a little warmth to those around it. What about us? Does our love warm those around us, those near and dear to us, those we live with and mix with? Or are we frozen in the ice of sin, of self-love, have we shut ourselves up and now lie there like a splint gone cold?

Comparing human life to a candle, St Seraphim said that the wax in the candle is faith, the light is hope and the fire is love. If there is no love, then life is empty, pointless and fruitless. Just as a bad candle gives off soot, splutters and then goes out altogether, so sometimes our life gives off not the light of goodness, but the stench of sin and iniquity. So which is our life? Does it burn or does it give off soot, and perhaps go out altogether?

Dear brothers and sisters, this little candle also tells us whether we live our short earthly lives badly or well. If we burn ourselves out very quickly, then what will be left of us? Will there still

be even a tiny glimmer of good as a result of our actions? Will there still be even a tiny glimmer of warmth and happy memories of us?

A baby comes into the world crying. Holy Church gives him spiritual birth, washing him in Holy Baptism. A candle burns in the hands of the godparent, its tears of wax are like a living being crying before God for a new little person, his infirmity, his weakness and the many hardships he will face in life. But when a person grows up, he may stain his soul with sin in the storms of life. And then he comes to the holy sacrament of Repentance, lights a candle and puts it on the candlestand. This candle sheds burning tears for our sinfulness, our coldness and the darkness of our iniquitous life.

When our life is hallowed by union in marriage, the young couple hold lighted candles in their hands...the flames remind them of love in the family, of how family happiness does not last forever and ever, that it unexpectedly goes out, like this lighted candle...

When someone falls ill and turns to God, he receives unction, is anointed with holy oil, and next to him there burns a candle, as if raising his prayer up to heaven, interceding for him.

When someone is on their death bed, then a candle is placed at the head of the bed as a symbol of their immortality, testifying to the fact that their soul goes on and burns before God in eternity...When family come to the grave, they too light a candle as a sign of their love for the departed and their memory of them.

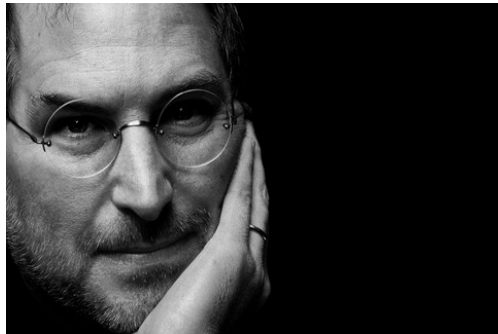
And so throughout life and even after death a candle burns with us, unnoticed and small. What faith we show when, in times of sorrow and difficulty, we light candles in front of the icons of the Saviour, the Mother of God or His saints, what consoling mercy our Heavenly Father shows our grieving souls, sending down His help to them. We light a candle and it seems to speak to us: I am burning and you, a soul that has gone out, light up, light up, do not fear life's tempests, light up, even though the wind is making you waver, and burn, shine and warm. My dears, we can be especially happy that we are standing here and all praying together, that our little prayers and sighs merge into one general sigh, heading upwards, like a candle flame which reaches the heavens and the throne of God. The feeble light of our small, lonely prayer may not be strong enough to shine and warm, but the great flame of general prayer may blaze up and melt. Perhaps, unknown to us, there are people of prayer standing alongside us, those who are great spiritual people before the face of God. Together with their prayer, our feeble, cold prayer will also go up from earth to heaven, to the very throne of God. We should be all the happier that we are standing and praying in this holy place, warmed and hallowed by the feat of prayer of St Sergius, our great father in God. On this very spot there once stood a small wooden church, hallowed not by a candle, but by a simple splint. However, the hearts of the ascetics, those who gathered here, zealous for piety and salvation, attracted by the brightness of St Sergius' virtues, shone brighter than any beacon.

And now he himself, like a great light, burns and does not go out, aflame with his prayer before

the throne of the Holy Trinity, and this light illumines our lives, which at times are not easy and confused, warming our souls, which are cold, negligent and despondent...Dear brothers and sisters, just light your little wax candles more often. They burn with the fire of a great and firm faith, as if reminding us of the widow's mite. Let us remember that Church life is our life. A candle is our love of God and our neighbour. A Church candle is the strength that helps us in the difficult moments of life and death. Amen.

Что ответить Стиву Джобсу, или Снова о слезинке ребенка

11 июля, 2012 • [Александр Ткаченко](#) • Источник: [Журнал "Фома"](#)

Этого человека называют «иконой предпринимательства». Он уже не просто «селф-мейд-мен», он символ для целой эпохи. Как Стив Джобс относился к религии? Многие знают, что создатель Apple был практикующим буддистом. Но так было не всегда. В официальной биографии предпринимателя, написанной известным американским журналистом Уолтером Айзексоном, есть интересный рассказ:

«Пол и Клара не были истово верующими людьми, но хотели дать сыну религиозное воспитание, и поэтому по воскресеньям брали его с собой в лютеранскую церковь. Но когда Стиву исполнилось тринадцать, он туда ходить перестал. Джобсы выписывали журнал Life; на обложке июльского номера за 1968 год была фотография голодающих детей из Биафры. Стив принес журнал в воскресную школу и спросил пастора:

— Если я подниму палец, узнает ли Господь, какой именно из пальцев я хочу поднять, еще до того, как я сделаю это?

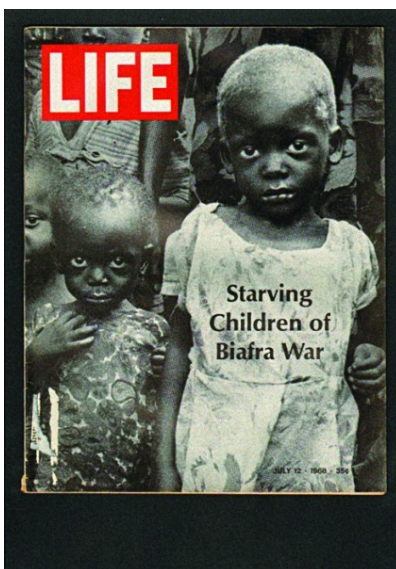
Пастор ответил: — Ну разумеется, Господу все известно.

Тогда Джобс показал снимок из Life:— Знает ли Господь о том, что эти дети голодают?

— Стив, я понимаю, что тебе трудно в это поверить, но Господь знает и об этом.

Тогда Джобс заявил, что не хочет верить в такого Бога, и никогда больше не бывал в церкви».

Будущий создатель империи Apple знал, о чем спросить. Таким вопросом можно «закрыть тему» в разговоре с любым священником, даже самым умным и образованным. И совсем не потому, что на него невозможно ответить. Просто есть действия глубоко безнравственные по своей сути, хотя внешне они могут выглядеть вполне пристойными и благочестивыми. Например — сесть на лавочку в храме и терпеливо рассказывать тринадцатилетнему подростку, почему Бог допускает страдания голодающих детей в Биафре, это примерно то же самое, что объяснять ребенку, почему вполне себе нормальные дяди и тети средь бела дня проходят мимо человека, неподвижно лежащего на тротуаре лицом в асфальт.

Пастор мудро поступил, когда не стал спорить с юным Стивом Джобсом. Потому что любой его ответ прозвучал бы в той ситуации как циничная попытка оправдать несправедливость, объяснить, что она не так уж и несправедлива, что есть, мол, и в ней своя правда. Нельзя позволять своей, а тем более — чужой мысли идти по этой кривой дороге. Известный русский философ и психолог Семен Людвигович Франк писал: «Объяснить зло значило бы обосновать и, тем самым, оправдать зло. Но это противоречит самому существу зла, как тому, что неправомерно, чего не должно быть. Единственно правомерная установка в отношении зла есть — отвергать, устранять его, а никак не объяснять и тем самым узаконивать и оправдывать».

В сущности, Франк описывает здесь нормальное для любого христианина отношение: увидел зло — попытайся ему противостоять; не можешь этого сделать — плачь и молись

о тех, кто от него страдает, о своей немощи, о том горе, которое оно принесло другим людям и тебе самому, сколь бы далеко от тебя оно ни случилось. Потому что все люди на Земле — потомки Адама и Евы, а значит — нет на свете чужой беды. И когда где-то там, на другом конце Земли, умирают от голода дети, ты всегда знаешь, или хотя бы чувствуешь, что это голодают твои маленькие братья и сестры, что это — беда твоей семьи, а значит — и твоя тоже.

Возмущаясь несправедливостью, человек поступает абсолютно нормально, в полном соответствии со здоровыми силами души. А вот оправдывать свое безразличие к творящимся вокруг мерзостями «христианским смирением» и богословскими схемами способен лишь тот, кто давно уже стал безразличен к несправедливости и злу в самом себе. Праведный Иов, например, не стеснялся возмущаться в ответ на действия Бога, несправедливые, с его точки зрения: *Бог ниспроверг меня и обложил меня Своею сетью. Вот, я кричу: обида! и никто не слушает; вопию, и нет суда.*

В этом смысле Стив Джобс, несмотря на юный возраст, оказался куда честнее и тоньше многих своих современников, которым подобные вопросы были попросту неинтересны. Однако есть в его поступке существенное отличие от позиции праведного Иова. Библейский праведник, потеряв в буквальном смысле все, чем обладал, — детей, богатство, и даже здоровье, — кричит, возмущается, требует у Бога объяснений происходящему. Но его возмущение обращено именно к Богу, как к единственному источнику возможного ответа. И в голову не приходит ему сказать: «в такого Бога я верить не хочу». Потому что другого Бога быть не может, а значит — нужно выяснить отношения с Тем, Кто есть. Логика тут проста и очевидна: если у тебя претензии к Богу — выскажи их Ему, а не соседям по подъезду. Серьезные вопросы всегда нужно задавать по правильному адресу. Иначе вместо ответа рискуешь получить стандартный набор благоглупостей, все объясняющих, но не дающих пищи ни уму, ни сердцу.

Христианские подвижники так же, как и ветхозаветные пророки, не боялись задавать Господу «неудобные» вопросы. Так, основоположник монашества преподобный Антоний Великий спрашивал Бога примерно о тех же вещах, которые волновали Стива Джобса:

«Господи! отчего некоторые из людей достигают старости и состояния немощи, другие умирают в детском возрасте и живут мало? Отчего одни бедны, — другие богаты? Отчего тираны и злодеи благоденствуют и обилуют всеми земными благами, а праведные угнетаются напастями и нищетою?»

Такие вопросы не могли родиться в равнодушном сердце, и вовсе не апатичная, удовлетворенная мертвыми логическими построениями душа болела от них. Но Антоний Великий не стал обсуждать мучившую его проблему с другими монахами. Подобно

праведному Иову, он надеялся отыскать ее решение не в богословской дискуссии, а в молитве.

И Бог ответил. Правда, ответ этот был неожиданным и совсем не похожим на то, чего обычно ждут люди в подобных случаях: «Антоний! Внимай себе и не подвергай твоему исследованию судеб Божиих, потому что это — душевредно». Кстати, праведный Иов тоже услышал нечто похожее: *...где был ты, когда Я полагал основания земли? Скажи, если знаешь. ...Ты хочешь ниспровергнуть суд Мой, обвинить Меня, чтобы оправдать себя? Такая ли у тебя мышца, как у Бога? И можешь ли возгреть голосом, как Он? Укрась же себя величием и славою, облекись в блеск и великолепие; излей ярость гнева твоего, посмотри на все гордое и смири его; взгляни на всех высокомерных и унижь их, и сокруши нечестивых на местах их; зарой всех их в землю и лица их покрой тьмою. Тогда и Я признаю, что десница твоя может спасти тебя.*

И тот, и другой ответ, по сути, сводятся к известному всем еще с детства тезису — «не твоего ума дело». Но странная вещь: почему-то оба вопрошавших остались полностью удовлетворены таким необычным объяснением.

А причина этому, наверное, вот в чем. Вопрос о невинных страданиях детей или взрослых мучает человека вовсе не потому, что наш разум не может логически совместить эти страдания с существованием всемогущего и всеведущего Бога-Любви. Это было бы еще полбеда — ну мало ли чего не получается понять при помощи логики. На самом деле мучительно здесь другое. За хрестоматийной карамазовской «слезинкой ребенка» или обложкой журнала Life в руках Стива Джобса скрывается куда более трагический вопрос: неужели Бога все-таки нет в этом безумном мире? Неужели все эти невинные страдания абсолютно бессмысленны и являются всего лишь неоспоримым свидетельством того, что наш мир — сирота?

Истории подобного рода — пророков, святых, Ивана Карамазова, Стива Джобса, — можно было бы свести к одному общему возгласу: Господи, да есть ли Ты вообще, раз вокруг происходит такой кошмар? Именно об этом, и только об этом спрашивали все они в конечном итоге. Всё прочее — лишь конкретные обстоятельства, рождавшие этот вопль к Богу у самых разных людей во все времена.

Так что же нужно было ответить тогда Стиву Джобсу на его «проклятые вопросы»?

Ровным счетом ничего. Потому что отвечать на них с полным правом может только Бог. Антонию Великому и праведному Иову Бог ответил, и они успокоились: *...Я слышал о Тебе слухом уха; теперь же мои глаза видят Тебя* (Иов 42:5). Стив Джобс тоже слышал о Боге, но ответа не получил, и ушел разочарованным. Потому что спрашивал о причинах

зла в мире не у Того, Кто Один только и может ответить. И вовсе не пастора он поставил тогда в тупик своими вопросами, а самого себя на долгие годы.

Никакой пастор, священник, богослов не в состоянии объяснить, почему в этом мире страдают и умирают в муках дети. Любое такое объяснение всегда будет подменой того самого главного Ответа, в котором Бог открывает Себя человеку. Только нужно спрашивать Его, нужно обращаться к Нему, даже если ты считаешь, что «в такого Бога верить не стоит». Говори Ему и об этом тоже, возмущайся, сердись, как это делал праведный Иов, но — спрашивай, спрашивай Бога о том, что не дает тебе жить спокойно. Потому что других способов получить ответ на «проклятые вопросы» попросту не существует.

Влад Головин, Александр Ткаченко

[An Answer to Steve Jobs, or a Child's Tear Again](#)

11 July 2012 • Aleksandr Tkachenko • Source 'Foma' Magazine

This man is a model entrepreneur, not just a self made man but a symbol of a whole era.

What does Steve Jobs think of religion? Many know that the founder of Apple used to be a practising Buddhist. But such was not always the case. There is an interesting story in his official biography, written by a well-known American journalist, Walter Isaacson:

'Paul and Clara were not fervent believers, but they did want to give their son a religious upbringing and so they would take him with them to the Lutheran church on Sundays. But when Steve was thirteen, he stopped going. The Jobs subscribed to the magazine Life; the cover of the 1968 issue had on it a picture of starving Biafran children. Steve took it to the Sunday school and asked the pastor:

— If I lift a finger, will the Lord know exactly which one of my fingers I am going to lift, even before I do it?

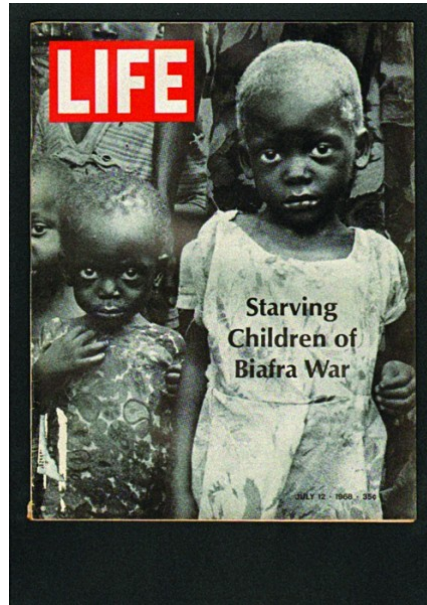
The pastor replied:— Of course, the Lord knows everything.

Then Jobs showed him the picture in Life:— Does the Lord know these children are starving?

— Steve, I know it's hard for you to believe it, but the Lord knows even about this.

Then Jobs said he no longer wanted to believe in such a God and never went to church again'.

The future founder of Apple knew what he was asking. A question like that can kill off a discussion with any priest, even the most intelligent and well-educated. And it is not that it is impossible to answer it. It is just that there are acts which are basically deeply immoral, even though outwardly they may look entirely decent and even pious. For example, sitting down in a church and patiently telling a thirteen-year old why God allows starving children in Biafra to suffer is much the same as explaining to a child why completely normal people walk past a person who is lying on the pavement in broad daylight face down

The pastor acted wisely in refusing to argue with the young Steve Jobs. Because in that situation any answer he gave would have sounded like a cynical attempt to justify an injustice, to explain that it is not all so unfair after all, that it has, as it were, a certain truth. We must not allow our reasoning and all the more that of others to be twisted in that way. The famous Russian philosopher and psychologist Semyon Frank wrote: ‘To explain evil would mean to give it a foundation and so justify it. But this contradicts the very essence of evil, as something that is unjustifiable, which should not exist. The only justifiable attitude to evil is to reject it, to remove it, and not in any way to explain it and so make it lawful and justify it.’

Essentially, Frank is here describing the normal attitude for any Christian: you have seen evil – try and resist it; you are unable to do so – then shed tears and pray for those who suffer from it, for your own weakness, for the sorrow it has caused others and yourself, however far away it has happened from you. This is because everyone on Earth descends from Adam and Eve and this means that nobody’s misfortune is strange to us. And when somewhere, in some corner of the planet, children are starving and dying, you always know or at least feel that it is your little brothers and sisters who are starving, that this is a misfortune in your family and so your

misfortune as well.

When we get upset about injustice, we behave completely normally, in total harmony with healthy emotions. Only he who long ago became indifferent to injustice and evil inside himself is capable of justifying indifference to the abominations that take place around us and calling them ‘Christian humility’ and giving them some theological system. For example, the righteous Job had no inhibitions in expressing his feelings in response to acts of God which were in his view unjust. *God has overthrown me and has compassed me with His net. Behold, I cry out of wrong, but I am not heard: I cry aloud, but there is no judgement.*

In this sense, despite his youth, Steve Jobs was a lot more honest and subtle than many of his contemporaries, for whom such questions simply had no interest. However, there was one basic difference between his attitude and that of the righteous Job. The righteous man of the Bible, who had literally lost everything that he had had - his children, his wealth and even his health – cries out, expresses his indignation, demands explanations from God for what has happened. But his indignation is addressed precisely to God, the only source of any possible answer. It never occurred to Job to say: ‘I don’t want to believe in such a God’. Because there cannot be any other God and this means that we have to find out what our relationship is to Him Who is. This is simple and clear logic: if you have a grudge against God, then tell Him, and not your next door neighbours. If we have a serious question, then we need to address it to the right person. Otherwise, instead of an answer we risk getting the usual selection of well-meaning nonsense, which explains everything, but feeds neither the mind nor the heart.

Just like the Old Testament prophets, Christian ascetics are not afraid of asking God ‘inconvenient’ questions. For instance, St Antony the Great, the founder of monasticism, asked God more or less the same questions that bothered Steve Jobs:

‘O Lord! Why do some people reach old age and the illnesses of old age, but others die as children and live badly? Why are some poor and others rich? Why do tyrants and evildoers prosper and have every earthly thing they want, yet the righteous are oppressed by misfortunes and poverty?’

Such questions could not be the product of an indifferent heart and an apathetic soul that could satisfy itself with the facile arguments of deathly logic - they would hardly be bothered by them. But Antony the Great did not start discussing the problem that tormented him with other monks. Like the righteous Job his hope was to find the answer not in theological discussions, but in prayer.

And God answered him. True, the answer was unexpected and not at all similar to what people usually expect in such situations. ‘Antony! Listen to yourself and do not examine the judgements

of God, because that is harmful to your soul!’ Furthermore, Job also heard something else, similar to this: *...Where were you when I laid the foundations of the earth? Tell me if you know...Will you annul my judgement, condemn me that you might be righteous? Have you strength like God? Or can you thunder with a voice like Him? Can you deck yourself with majesty and excellency, and array yourself with glory and beauty; cast abroad the rage of your wrath and behold everyone that is proud, and abase him; look on everyone that is proud, and bring him low; and tread down the wicked in their place; hide them in the dust together and bind their faces in secret? Then will I also confess to you that your own right hand can save you’.*

Both the first and the second answers basically boil down to the saying familiar to everyone from childhood, that, ‘it’s none of your business’. But there is something strange here – why were both questioners completely satisfied with such unusual answers?

The reason for this is probably as follows: The question of innocently suffering children or adults torments us, but not because our reason is logically unable to accept the existence of such suffering along with the existence of an All-Powerful and All-Knowing God of Love. That would only be half the problem – there is not much we cannot logically understand. What really tortures us is something else. Behind the well-quoted words of Ivan Karamazov about not believing because of a child’s tear or the cover of Life in the hands of Steve Jobs, there is a far more tragic question: Surely there cannot be a God in this insane world? Surely all this innocent suffering is completely pointless and is just proof positive that our world is orphaned?

Stories like this – of prophets, saints, Ivan Karamazov and Steve Jobs – all come down to one general cry: ‘Lord, are you really there, when it’s all such a nightmare around us? In the end, they were all asking this question and only this question. Everything else is just the background which gives rise to this cry to God among different people throughout history.

So what should we have answered Steve Job’s ‘cursed questions?’

Nothing at all. Because only God really has any right to answer such questions. God answered Antony the Great and the righteous Job and they found peace. *...I have heard of you by the hearing of the ear: but now my eye sees you* (Job 42, 5). Steve Jobs also heard about God, but he did not get an answer and left disillusioned. This was because he was not asking the One Who alone can give an answer about the reasons for evil in the world. He did not put a pastor in an awkward position with his questions, but himself, and that for many, many years.

No pastor, priest or theologian is able to explain why children suffer and die in agony in this world. Any explanation will always be a substitute for the main answer itself, the one where God reveals Himself to man. All we have to do is to ask Him, to turn to Him, even if you think that ‘it isn’t worth believing in such a God’. Tell Him this as well, get upset, be angry, like the righteous

Job, but ask, ask God what you cannot live in peace about. Because quite simply any other way of getting an answer to 'the cursed questions' does not exist.

Vlad Golovin. Aleksandr Tkachenko